

Лариса Прокошина

16+

"Все мы родом из
детства"

Антуан де Сент Экзюпери

*Мотыльки
порхающие
над пламенем*

*Крошечные штрихи, нанесенные детской
рукой на картину жестокой войны*

**Лариса Петровна Прокошина
Дмитрий Геннадьевич Прокошин
Мотыльки, порхающие
над пламенем**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57389090

SelfPub; 2020

Аннотация

Это рассказы о детях, живших в годы войны и в первые послевоенные годы, основанные на воспоминаниях маленькой девочки от 3 до 7 лет. В них нет никакой выдумки. Это только то, что она сама видела и испытала. Это о том, как мерзкие твари вдруг врываются в жизнь людей со всей своей неосознанной жестокостью. Это о ребенке, оказавшимся брошенным на произвол судьбы в зимнюю стужу в незнакомом городе. Это о маленьком мальчике, медленно умирающем от голода. Это о подростке, оказавшемся никому не нужным. Это о девочке, которая долго мечтала о кукле. И когда, наконец, она у неё появилась, держала её в своих руках всего каких-нибудь полчаса. Это о немцах, которых эвакуировали из Калининградской области. Они оказались удивительным образом связанными с судьбой этой самой девочки, которая, будучи теперь женщиной преклонных лет, делится своими впечатлениями о тех далеких временах.

Предисловие

Эти рассказы о детях по воспоминаниям маленькой девочки от трёх до семи лет. В них нет никакой выдумки. Это только то, что она сама видела и испытала.

Мои герои жили в тылу и не видели ужасов войны. Они не были на оккупированной территории, не попадали под бомбёжки, не видели фашистов, поэтому я долго сомневалась, стоит ли рассказывать о том, что мне довелось видеть, когда я была совсем маленькой. Это, конечно, лишь крошечные штрихи, нанесенные рукой ребёнка, на картину жестокой войны. Но пусть это будет понято и не забыто.

Это о том, как мерзкие твари вдруг врываются в жизнь людей со всей своей неосознанной жестокостью тогда, когда людям было особенно трудно, а, именно, во время войны.

Это о ребёнке, оказавшемся брошенным на произвол судьбы в зимнюю стужу в незнакомом городе.

Это о маленьком мальчике, которого родители, как ни старались, не смогли накормить досыта из-за сложившихся обстоятельств.

Это о подростке, оказавшемся никому не нужным.

Это о девочке, которая долго мечтала о кукле. И когда, наконец, она у неё появилась, держала её в своих руках всего каких-нибудь полчаса.

Это о немцах, которых эвакуировали из Калининградской области. Они оказались удивительным образом связанными

с судьбой этой самой девочки, которая, будучи теперь женщиной преклонных лет, делится своими впечатлениями о тех далеких временах.

Незабываемое путешествие

Война застала нас с мамой на Русском острове. Мне было в то время всего шесть месяцев от роду. Нас эвакуировали в Омскую область. Но, как только война стала уходить дальше на запад, мама стала собираться к себе на родину, где нас ждали её родители и сестра. Поезд уносил нас всё ближе к маминой родине и всё дальше от моей. Моя прекрасная родина, где мне уже никогда не довелось побывать. Да и то сказать, меня там никто не ждал и не ждёт. Мой папа был призван в армию за два года до начала войны и оставался там вплоть до окончания войны с Японией. Он был артиллеристом.

Квартира, в которой я теперь оказалась, была крошечная. В комнате стояли по периметру впритык друг-другу две кровати, комод, сундук, этажерка с книгами, стол, стул и швейная машинка "Зингер", за которой с утра до вечера работал мой дедушка. Он был портным. В армию не был призван из-за зрения.

Кухня была ещё меньше. Кровать за печкой, которую топили углём. Одностворчатый шкаф у двери. У окна стояли стол, стул и рукомоийник в углу. И никаких удобств. Но это был наш дом, а не общежитие, где мама жила на Русском

острове и не хозяйский чужой дом в эвакуации. Городок тихий, но иногда сюда долетали вражеские бомбардировщики. Но нас в то время здесь не было. О былом напоминали черные шторы затемнения, которыми мы по привычке завешивали на ночь окна. Освещали по вечерам дом керосиновой лампой. Итак, обстановка в доме была очень скромной, если не сказать, убогой. Но одна вещь привлекала мое внимание и будила мое любопытство. На стене висела черная тарелка репродуктора. По тем временам это была невиданная роскошь. Во всяком случае я не видела ее ни у кого из тех, кого знала. Не было ее у нас и тогда, когда мы переехали в Тулу, и тогда, когда жили в Калининградской области. А здесь, где я жила теперь, два репродуктора были на главных улицах города. Из них люди узнавали о положении на фронте. Откуда же у нас такая редкость?

Мне однажды рассказали, что какой-то высокопоставленный чиновник сделал дедушке срочный заказ. Дедушка был очень хорошим портным. Но выполнение такого заказа было делом очень рискованным. Дедушка никогда не делал ничего подобного. Его попросили сшить костюм, а на выполнение заказа было меньше суток. Дедушка сначала отказывался: без примерки! За сутки! Но его уговорили. Дедушка работал без отдыха с вечера до обеда следующего дня. И выполнил заказ!

Костюм очень понравился заказчику и он спросил дедушку: "Может быть у вас есть какое-нибудь желание? Я с

удовольствием исполню его, если это будет в моих силах. "И дедушка пожелал, чтобы у него было своё радио. Через несколько дней его желание было исполнено, в нашу квартиру было проведено радио. И мне эта говорящая тарелка не давала покоя. И однажды, я набралась смелости и попросила дедушку:

– Дедушка, покажи мне человечков, которые живут там.

Я показала на черную тарелку. Мне не было в то время и трёх лет. Дедушка не сразу понял:

– Каких человечков?

– А вот тех, которые там поют и говорят. Они ведь очень маленькие. Я хочу на них посмотреть.

– Ты думаешь, что там живут человечки?

– Ну, да.

Нет там никаких человечков. Эти люди, которые с нами говорят, находятся далеко-далеко от нас. А как их голоса доходят до нас, я и сам ещё не очень хорошо понимаю. А ты об этом узнаешь, когда вырастешь, будешь учиться долго и упорно и тогда всё поймёшь. А сейчас не выдумай сама забраться в радио. Никого ты там не найдешь, только всё сломаешь. Поняла?

– Поняла, – сказала я, хотя ничего не поняла. Нет, поняла, что если попробую всё-таки посмотреть на человечков внутри этой загадочной тарелки, то меня за это сурово накажут.

Таким было моё знакомство с радио, которое долгие годы воспитывало меня, обучало, развлекало и служило связую-

щим звоном с огромным миром.

Мне было года три, когда случилась эта история, жутко напугавшая меня. Путешествие, которое выходило далеко за рамки обыденного и потому запомнилось мне во всех подробностях.

Память ребёнка фотографична. Она откладывает в себе картинки и ощущения, но ребёнок часто не знает слов, которые их обозначают. Говорю это для того, чтобы читателя не смущал язык взрослого человека, описывающего теперь те картины и ощущения.

В то утро меня разбудили очень рано и полусонную куда-то повели. Как я потом узнала, в деревнях резали скот и можно было купить мясо намного дешевле.

Сначала мы ехали на грузовике. С нами были ещё люди, у которых была та же цель, что и у нас. Бабушка сидела прямо на полу грузовика, я у неё на ногах. Мама уцепилась за кабину и ехала стоя. Грунтовая дорога была вся в рытвинах и колдобинах. Нас немилосердно трясло.

– Бабушка, – спросила я, – а что у меня там, в животике? Там ничего не разорвется?

– Нет, не разорвется, – успокоила меня бабушка, – Дай, я тебя покрепче прижму к себе.

Но тут новая беда. Ветер каким-то образом умудрялся залетать в кузов и пронизывать насквозь. Дорога, казалось, не кончится никогда. А шофер, тем временем прибавлял скорость. Грузовик не был приспособлен для перевозки людей.

Пассажиры, их было человек пятнадцать, сидели прямо на дощатом полу, держась за борта грузовика. Три человека стояли, держась за кабину. То, что происходило теперь, тряской назвать было нельзя. Людей то подбрасывало вверх, то ударяло об пол. Люди, которые стояли впереди, стали стучать по крыше кабины, требуя убавить скорость. Но шофёр, как с цепи сорвался, никого не слышал и продолжал прибавлять скорость, словно убегал от бомбежки. Людей кидало из стороны в сторону, они сталкивались, им грозило увечье. Они ругались последними словами. Вдруг машина остановилась. Ошарашенные садистской ездой, пассажиры не сразу поняли, что их мучениям пришёл конец.

Одними из первых пришли в себя мои мама и бабушка. Мама с легкостью оказалась на земле, приняла меня из рук бабушки. Та тоже легко преодолела преграду в виде борта кузова. Моя бабушка была еще очень молодой, ей было чуть больше сорока.

Машина быстро пустела. Несколько разъяренных путешественников бросились к кабине. Водитель, высунувшись из окна, увидел искаженные от возмущения лица, бросил быстрый взгляд на кузов, не увидев в нем никого, скрылся внутри кабины и, решив не спорить с судьбой, нажал на газ. Машина рванулась вперед. Люди, спускавшиеся с заднего борта и ещё не успевшие спрыгнуть, от этого рывка повалились на пыльную дорогу. Возмущение выросло до предела. Женский голос визгливо крикнул:

– Что за шофер? Откуда только его взяли?

– Ей ответил мужской виноватый голос:

– Вчера, когда мы с ним расплачивались, он был вполне вменяемым.

– Что же сегодня-то он такой безумный?

– Просто сумасшедший!

– Чокнутый!

– Пьяный, наверное.

– Да когда же он успел напиться-то? Утро ведь!

– А что бы ни напиться? Деньги-то получил.

Вот именно. А дурное дело нехитрое.

Так толпа вынесла вердикт: шофер был пьян.

Только сейчас, проанализировав всё произошедшее, я не согласилась с вердиктом толпы. Уж очень неадекватным было поведение шофера. Ведь никто не заметил в начале поездки, что он был под хмельком. Что-то здесь не так. Грунтовая деревенская дорога обычно относительно ровная, а эта вся в рытвинах. И я посмела предположить, что она была под обстрелом. Может быть шофер, вместе с другими, вез какой-то военный груз и попал под бомбежку. И он, спасаясь от смертельной опасности, умирая от страха, гнал свою машину на всю мощность. И вот теперь, оказавшись вновь на этой дороге, он снова начал переживать ту опасность и тот ужас. И невольно снова начал гнать свою машину от этого страшного места, спутав прошлое с настоящим. Ведь недаром же мне пришло в голову сравнение: "...словно убегал от бомбежки".

Пока шла перебранка, и люди приходили в себя, я огляделась вокруг. Урожай давно убрали. Кругом, до самого горизонта зеленела трава, а может озимые. Да ребёнок, которому и трех лет не было, разве разберется в этом. Вдали виднелась деревня, к которой вела хорошо утрамбованная дорога. Вот к этой деревне и отправилась толпа.

Люди шли быстро, я не успевала за ними, поэтому меня несли на руках по очереди, то бабушка, то мама, а то я сама семенила за всеми.

Дорогой бабушка задумчиво сказала:

– Да, такое начало дела не предвещает ничего хорошего...

Мама возмутилась:

– Ой, ради бога, помолчи! Пожалуйста, помолчи! И без твоих предсказаний тошно.

Опять этот бесконечный путь. Я не знаю, почему меня были вынуждены взять с собой. Но, наверное, другого выхода не было.

У какого-то дома в деревне все остановились.

Вышла хозяйка, подошла к калитке и пригласила всех во двор.

Она брала по очереди сумки пришедших, уходила с ними куда-то, возвращалась с сумками, наполненными мясом, и брала деньги. Никто даже не заглядывал внутрь сумки и сразу отправлялись в обратный путь. Мы тоже прошли через эту процедуру, и снова в дорогу.

Только теперь мы должны были ехать не на грузовике, а на

поезде. Я почувствовала себя очень уставшей, когда мы подошли к линии железной дороги. Остановились на заросшей травой площадке. Трава не вытоптана: наверное потому, что поезд здесь останавливался очень редко. Не было ни вокзала, ни перрона. Видимо, где-то здесь стоял столб, на который ориентировались поезда и пассажиры. Много людей уже сидело на своих мешках и чемоданах в ожидании поезда, а народ все прибывал.

Наконец, поезд показался, тяжело пыхтя, остановился, и двери открылись. И тут началось нечто невообразимое: все бросилось к поезду, как будто собрались брать штурмом вражескую крепость: толкотня, крики, брань, плач, визг. Люди набивались в вагоны не только через двери, но и через окна. Мужчины лезли на крышу. Мешки, сумки, баулы, чемоданы, кричащие мужчины, женщины, дети, старики: всё смешалось в один бьющий по ушам гвалт. Мои мама и бабушка с тревогой наблюдали за всем происходящим. А я с беспокойством смотрела на них: "Куда мы полезем, в окно или на крышу?" Мама прижимала сумку с мясом к груди, казалось, что она совсем не замечала ее тяжести. Так взволнована она была.

Бабушка крепко держала меня за руку. Они с нарастающим беспокойством смотрели на происходящую перед их глазами вакханалию. Войти в поезд шансов не было. Остаться в этом безлюдном месте, вдали от жилья и дорог, было страшно, так же как идти пешком километров десять, а то

и двадцать по шпалам с маленьким ребёнком и тяжёлой сумкой. Я представляю, какой ужас их охватывал от всех этих мыслей. Надо было уехать на этом поезде во что бы то ни стало, но как? Тут, прямо перед нами за утрамбованными пассажирами закрылись двери. Раздался гудок паровоза, возвещающий отправление.

Около поезда остались немногие те, кто не смог в него войти, в том числе и мы. Я ничего не понимала: "А как же мы?"

Бабушка и мама стояли, растерянные и не знали, что предпринять. Оставались считанные секунды, чтобы найти выход. Положение казалось безнадежным. И вдруг бабушка скомандовала:

– Скорее, на ступеньки!

В то время ступеньки с поручнями оставались снаружи, и они оказались прямо напротив нас. Это было очень рискованное предложение, но обсуждать "за" или "против" не было времени.

Бабушка быстро села на верхнюю ступеньку, на нижнюю опустила ноги, меня посадила на колени. Мама встала рядом, поставив сумку с мясом рядом с нами, правой рукой вцепилась в поручень. Бабушка крепко прижала меня к себе, другой рукой держалась за поручень.

– Не бойся, – сказала она мне. – Обними меня руками, спрячь голову у меня на плече и не шевелись. Я тебя крепко держу.

Предчувствуя что-то страшное, я сделала всё так, как велела мне бабушка. Поезд медленно тронулся с места и постепенно стал набирать скорость. Мне стало любопытно. Я подняла голову, чтобы оглядеться. Ветер ударил в лицо с такой силой, что я испугалась за свою голову, которая грозила оторваться от туловища. Спасая свою голову, я снова уткнулась бабушке в плечо и больше уже не шевелилась. А ветер изо всех сил старался спихнуть нас со ступенек. Стало еще холоднее, чем в грузовике. Бабушкиных рук не хватало, чтобы меня согреть. И всё-таки краем глаза я стала наблюдать, как земля около поезда быстрой лентой убегала назад. Я мечтала только о том, чтобы снова оказаться на этой самой земле. Оглушительный грохот колес, пронизывающий ветер, дым паровоза от которого перехватывало дыхание. Когда же закончится этот ужас?! Нет, он не закончится никогда.

Но поезд всё-таки остановился. Мама с бабушкой быстро соскочили со ступенек и бросились бежать, пока не началась толкотня, которая могла нас раздавить. И снова далекий путь пешком от вокзала до дома. Тогда не было в городе ни автобусов, ни трамваев. Своими маленькими ножками семеняла я за мамой и бабушкой. Ни мама, ни бабушка не брали меня на руки, так как обе тащили тяжёлую сумку.

Наконец-то я дома. Жарко натопленная печка. С меня сняли пальто и тётя налила мне горячего супа. А вот бабушку и маму ждала ещё очень нелегкая работа. Они пошли в сарай солить мясо (о холодильниках тогда никто и не слы-

шал) и прятать его в надежное место. Только, когда на улице стало совсем темно, они пришли уставшие, но довольные. Мама сказала с нескрываемым торжеством:

– Мяса хватит надолго. Теперь супы будем есть наваристые.

А бабушка добавила:

– Будем жарить котлеты, готовить гуляши, пельменей наделаем!

На следующий день, вскоре после завтрака, бабушка пошла в сарай за мясом. Все мечтали о наваристом мясном борще.

Бабушка возвратилась очень быстро. Увидев её, я испугалась: она была белая, как полотно, губы посинели, а глаза как-то странно блуждали. Я так испугалась, что закричала: "А-а-а!" На мой крик из комнаты прибежали мама с сестрой. Увидев бабушку, они закричали:

Мама, что с тобой? Что случилось? Да говори же, наконец!

Бабушка еле выговорила:

– Всё мясо съели крысы...

Сёстры потеряли дар речи. Потом недоумённо спросили:

– Как съели?!

– Так съели, что одни косточки по полу валяются.

Последовала долгая пауза. Потом кто-то растерянно произнес:

– Да это кто-то украл мясо... Наверное.

Бабушка рассердилась:

– Да, конечно, кто-то вошел в сарай сквозь дверь, даже не взломав замок, съел почти пуд сырого мяса и ушёл сквозь стену.

Опять молчание. Сёстры отказывались верить, что мяса больше нет. Ни кусочка!?! Они побежали в сарай. На меня никто не обращал внимания, но я, влекомая любопытством, бросилась за ними. Открыли дверь и замерли пораженные. Я увидела посреди сарая подвешенный к потолку массивными цепями огромный чугунный котёл. Такая же огромная и тяжёлая крышка валялась на земляном полу сарая, а вокруг добела объеденные кости.

Мама, пошатываясь, возвратилась домой, села за стол, обхватила голову руками и зарыдала. Прерывающимся голосом она запричитала:

– Господи! Ехать в такую даль, трястись в грузовике, пройти несколько километров пешком, рисковать жизнью на ступеньках поезда, истратить столько денег...! И для чего? Чтобы накормить досыта крыс?!

Дедушка на шум не вышел. Когда он работал, он ни на что не обращал внимания. Бабушка молчала, тётя тоже молчала в полном замешательстве, а мама продолжала громко рыдать:

– Как только они изловчились подобраться к этому котлу? Ведь он в воздухе висит, вдали от стен, пола и потолка. Как смогли сдвинуть крышку, такую тяжелую? Ведь надо во что-

то упираться. Похоже, что эти твари умнее людей!

Первой опомнилась тётя. Ещё бы! Она ведь не принимала участие в этом рискованном путешествии:

– Всё, хватит! В конце-то концов, это всего лишь мясо. Я вот слышала, у женщины, которая жила в полуподвальном помещении, крысы грудного ребёнка съели. Даже косточек почти не осталось. Она сошла с ума. Врачи говорили, что вылечить её невозможно. Вот это горе! Врагу не пожелаешь. А тут какое-то мясо. Все живы, здоровы и слава Богу!

Бабушка подхватила:

– А я слышала, что крысы напали на мужчину. Он из армии инвалидом вернулся. Так он от крыс своими костылями отбивался. Жив остался, но покусали они его здорово.

Потом мама что-то вспомнила. Потом опять кто-то рассказал очередную страшную историю. Конечно, говорили, пока молва до людей дойдёт, могут многое присочинить. Но нет дыма без огня.

Я слушала, слушала, и меня охватил ужас. Мне вдруг стало холодно. Я задрожала. Сейчас я бы сказала, что у меня кровь в жилах застыла. Может быть у меня и волосы дыбом встали, но по-видимому, вид у меня был еще тот. Бабушка первая обратила на меня внимание:

– Лорочка, что с тобой?

Её крик переключил внимание сестёр на меня. Мама бросилась ко мне, встала передо мной на корточки, начала меня ощупывать:

– Температуры нет. Что с тобой?

Я хотела что-то сказать, но губы и язык меня не слушались. Я испугалась ещё больше. Наконец, сильно заикаясь, я выдавила из себя:

– О-о-ни ме-ме-ня съе-дят?

– Кто? Кто тебя съест? – хором закричали женщины.

– Кры-кры-сы!

– Идиотки! Такие истории при маленьком ребенке рассказывать. Она же умирает от страха! – прокричала бабушка.

Тут все, перебивая друг друга, начали меня успокаивать:

– Опасно в полуподвальном помещении. Знаешь, там, где окна наполовину в земле находятся. А мы на втором этаже. Они сюда не заберутся. А потом, посмотри, как нас много, мы тебя в обиду не дадим.

Но никакие уговоры на меня не действовали. Я продолжала дрожать от страха. Я успокоилась лишь тогда, когда мама взяла меня на руки, крепко обняла. Я согрелась в её объятиях и уснула.

Прошло несколько дней. В тот день мама и тётя сидели за столом в кухне и что-то готовили к приходу бабушки. Тётя сидела у окна и вдруг испуганно вскочила, глядя в окно:

– Почта, – сказала она. – Почтальон вошел во двор.

Я недоумевала: "Почему она так боится почтальона? Я много раз видела почтальонов, они не были страшными. Я их совсем не боялась."

А тётя продолжала:

– Когда же всё это кончится? Когда почтальон не будет вызывать такого страха? Я как вспомню, как женщина в соседнем дворе кричала после прихода почтальона, до сих пор мороз по коже.

Я слушала и думала: "А почему мама не боится почтальона?"

А тётя продолжала, обращаясь к маме:

– Тебе хорошо, ведь там, где находится твой муж, не стреляют.

Они разговаривали, и я несколько раз слышала слово "война". И тётя и мама очень злились на эту войну. Какая же она, эта злая война? Люся, соседская девочка, сводила меня однажды в музей. Там я видела музю. Он был большой, покрытый коричневой шерстью. У него была длинная морда и очень большие когти на лапах.

– Война, – думала я, – это такой же музю, только очень большой, очень. Его очень трудно победить.

Когда взрослые меня спрашивали: "Когда же к тебе вернется твой папа?" Я твёрдо отвечала:

– Вот убьёт войну и вернется.

Спустя двадцать лет, во время свадебного путешествия, я повела своего мужа в этот музей. Чучело медведя стояло на том же месте, около невысокой деревянной лестницы, ведущей в зал с экспонатами. Я улыбнулась ему, как старому доброму знакомому:

– Ну, здравствуй, музю! Вот мы и снова с тобой свиделись.

Но это потом, а пока я, сидя на полу, играла со своими кубиками, размышляла о войне и слушала разговоры мамы и тети, с работы вернулась бабушка и криво усмехаясь, заявила:

– А ведь мы прославились на весь город.

– Чем это?

– Сегодня к нам в магазин зашла одна женщина, перемерила много всякой обуви, ничего не купила, но зато рассказала, как у кого-то крысы всё мясо съели. "До войны такого не было, – сказала она, – а сейчас только и слышишь всякие ужасы про них. Почему?"

Мама уныло заявила:

– Слава – штука бесполезная. Слава... Какая ерунда!

И посмотрев, на меня, добавила:

– Мясо было бы лучше.

И вдруг торопливо прикусила внезапно задрожавшие губы, а из глаз быстрыми ручейками скатились по щекам непрошеные слезы.

Ванюша

Мне было года три, когда мама уехала из Мичуринска работать в соседнюю деревню. Там в амбулатории она работала ещё до войны. Меня оставили на попечение моей бабушки и маминой сестры. Но сестра вскоре устроилась на работу. Бабушка тоже работала. Надо было думать с кем меня оставлять на день. В садик очередь ещё не дошла. Да и о садике

была очень дурная молва. И вот для меня нашли няню. Тётя Уляша, пожилая женщина лет шестидесяти, жила со своим мужем в странной квартире: то ли они занимали одну из комнат в какой-то конторе, то ли контора занимала комнату в их квартире. Моя няня жила в проходной комнате, а офис (как теперь бы сказали) находился в смежной. В контору всё время кто-то приходил. Входная дверь постоянно открывалась, и тогда холодный зимний воздух врвался в помещение, то закрывалась ненадолго. Обстановка в комнате была очень бедной: печь, которой отапливали контору, кровать и стол у окна. На этом сквозняке я и сидела на маленькой скамеечке около двери в контору. Я что-то шила из лоскутков. Посетители обращали на меня внимание, говорили:

– Какая хорошенькая девочка!

– Такая маленькая, а уже шьёт. Ах ты умница!

– И что же ты шьёшь?

Я отвечала:

– Платье.

То, что я шила, платьём назвать, даже с большой натяжкой, было невозможно. Но я с увлечением ковыряла иголкой, воображая себя хорошей портнихой. А посетители меня в этом не разубеждали. Место это было совершенно неподходящим для маленького ребёнка: шумное, беспокойное, сквозняки, холод. Я не помню, чем Уляша меня кормила, гуляла я или нет, чем ещё занималась кроме шитья. Но находиться там мне нравилось. Тётя Уляша была очень добрая, а

посетители говорили мне так много хороших слов, сколько я никогда не слышала. После работы за мной заходила моя тётя. Бабушка заканчивала работу намного позднее.

В этот вечер, как обычно, за мной зашла тётя. Мы быстро шли по безлюдной улице. Было морозно. Только что выпавший снег скрипел под ногами. В окнах не было света. Люди по привычке завешивали их затемнением. Светила луна, благодаря этому на улице было светло. Мы шли по теневой стороне улицы. Вдруг из темноты кто-то вышел и преградил нам дорогу. Мальчик лет десяти отчаянным голосом попросил:

– Тётя, дайте мне, пожалуйста, кусочек хлеба. Я очень хочу есть.

Надо думать, как удивилась моя тётя. Она растерялась и не знала, что сказать. Наконец, она спросила:

– Ты где живёшь?! Почему ты здесь, на холоде и голодный?

Мальчишка зарыдал. Прерывистым голосом, волнуясь и вытирая слёзы руками, он сказал:

– У меня нет дома. Сегодня я здесь замерзну.

Тётя опешила:

– Успокойся, пожалуйста. Скажи, как тебя зовут?

– Ванька.

– Ванюша, расскажи по порядку, как ты здесь оказался? Мальчик начал так сбивчиво рассказывать, что ничего невозможно было понять. Но с наводящими вопросами тётя

всё-таки удалось выяснить, как было дело.

Он жил в деревне с мамой. Но мама его умерла несколько дней тому назад. В деревне никто не захотел его взять к себе. Сейчас такое поведение соседей и родственников может показаться недостойным, но я не могу их осуждать. Мне приходилось жить во время войны в деревне у наших родных, когда мама уезжала в другую деревню принимать роды. Наши родные жили в избе, в которой был земляной пол. У стены стояла кровать, покрытая каким-то тряпьем, большой стол с двумя лавками, икона в углу. Русская печь, отделяла закуток служивший кухней. В семье было пятеро детей. Три старших мальчика (я даже не знаю, где они спали по ночам), две девочки. С одной из них я спала на печи, другая спала в люльке, подвешенной к потолку на крючке. Ей было почти четыре года, но она не ходила. Она болела рахитом: огромная голова, вздутый животик и тоненькие ручки и ножки. С ней никогда никто не гулял, она сидела в этой люльке и днём, и ночью. Питание было хуже не придумаешь: утром, в обед и на ужин картошка в мундире и ржаной хлеб, испеченный в русской печи. Хозяин дома вернулся домой после тяжелого ранения и был почти нетрудоспособным. Зимой в дом заходили новорождённого телёнка или другую замерзающую скотину. И так жило большинство крестьянских семей в то время. В деревенских семьях обычно было много детей. Хозяин на фронте, а женщина одна разрывалась между домом, огородом, скотиной и работой в колхозе. Хорошо,

если старшие дети были уже способны хоть как-то помогать матери. А ведь бывало, что пятеро мал-мала меньше. Кто же посмеет их осудить? Соседка нашла шкатулку с документами в надежде найти письмо от каких-нибудь родственников. И нашла. Это было старое письмо от сестры мамы. Из письма можно было понять, что живёт она одна, а на конверте был адрес. После похорон соседи заколотили дом. Ваню посадили в сани дяди Фёдора, который ехал как раз в этот город по делам. Он обязался доставить мальчонку по адресу. Мужчина довез мальчика до города, указал улицу и поспешил по своим делам. Ваня нашёл дом, где жила его тётя. Постучался в дверь. Ему открыла женщина. Узнав, кого он ищет, она сказала, что его тётя давно уже здесь не живёт. И дверь перед ним закрылась. Так мальчишка оказался один на улице в мороз. Это сейчас можно было бы спрятаться в каком-нибудь подъезде. Но в таком старинном городе все входы в дом были за накрепко запертыми воротами. Темнело. Редкие прохожие не обращали внимания на ребёнка. И тогда, в отчаянии он бросился к нам.

Выслушав мальчика, тётя сказала решительно:

– Не плачь. Пойдём с нами. Мы тебя накормим и уложим спать. А там видно будет. Во всяком случае на улице ты больше не окажешься.

Мальчик просиял. Жестокая судьба замерзнуть на улице уже казалась неотвратимой. И вдруг спасение!

Дома его все встретили доброжелательно, накормили,

уложили спать на сундуке, устроив постель из старых пальто. Другого подходящего места у нас не было. Ведь комната наша была не больше десяти квадратных метров. На кухне вообще было не повернуться. На следующий день о Ване было сообщено в милицию.

Из разговоров, которые доходили до меня, мне было понятно, что милиция искала родственников Вани, которые могли бы взять его к себе. Время шло, а таких людей так и не нашли.

На бедного Ваню обрушилось непосильное для него горе. Он был достаточно большим, чтобы не понимать, что с ним происходит, но и не достаточно взрослым, чтобы взять свою судьбу в свои руки. Он только что похоронил самого близкого ему человека, маму. При нём заколотили окна и двери его родного дома, а затем бросили на произвол судьбы, зимой, в незнакомом городе. Сколько горя на ребенка! Ваня не плакал. Он был молчалив и угрюм. Ни с кем не разговаривал, ни о чём не расспрашивал. На меня не обращал внимания. Но я, хоть и была ещё очень маленькой, не обижалась на него. Я его понимала и очень жалела. Откуда, я не знаю, но я уже знала, что такое смерть. Его мама никогда не придет к нему, никогда его не обнимет, не пожалеет, не успокоит. А все родные и знакомые, которые только недавно общались с ним, отвернулись от него. И сейчас он был в чужих руках и со страхом ждал своей участи. Мне хотелось сказать ему что-нибудь ободряющее, но я не знала таких слов. Моей ма-

мы тоже не было сейчас со мной, но она была жива и она обязательно придет ко мне. А Ваня? Я ничего не могла для него сделать. Ведь мне не было ещё и четырёх лет.

Сколько времени прошло, я не знаю. Может быть месяц, может два. Но, наконец, решение пришло: отдать мальчика в детский дом. Это сообщение вконец расстроило его. Он не хотел, но слёзы сами собой полились у него из глаз.

Моя бабушка села рядом с ним и заговорила:

– Ванечка, ты хороший мальчик, но к сожалению, у нас нет возможности оставить тебя у себя. Дедушка старенький и он инвалид, мои дочери сейчас одни, их мужья на фронте. Но всё равно они еще слишком молоды, чтобы взять тебя под опеку. Не обижайся на нас. Мы старались сделать для тебя, всё, что могли. Ты не бойся детского дома. Об этом детдоме я слышала много хороших отзывов. Там добрые и внимательные воспитатели. Там ты будешь одет, обут, накормлен. У тебя будет чистая кровать. Ты будешь ходить в школу. Там ты встретишь друзей, с которыми будешь дружить всю свою жизнь. Твоему папе уже сообщили, где ты будешь находиться. Война уже скоро кончится и папа заберёт тебя. Вы вернетесь в свой дом. А сейчас он будет писать тебе письма, а ты будешь писать ему. Я верю, что у тебя всё наладится. А в детском доме устраивают праздники, дарят подарки. Каждому ребёнку отмечают день рождения. Не плачь!

Они встали и пошли к выходу. Ваня шёл понуриив голову. Бабушка шла следом. Они перешагнули через порог и дверь

за ними закрылась.

Больше я никогда его не видела. Я ничего не знаю о его дальнейшей судьбе. Но очень хочется верить, что его отец вернулся к нему живой и здоровый. Мои родные ни разу не навестили его в детском доме. А он, наверное, их ждал. Он мог бы сам навестить нас, но он не приходил. Наверное у него там всё было хорошо и он не нуждался в помощи добрых людей.

А на нашу семью вскоре обрушились большие беды. Мой дедушка был очень хорошим портным. Как говорили, он обшивал всю элиту города. И часто в знак благодарности ему дарили спиртное. Работы у него было много. Измученный бесконечным трудом, он начал пить. Потом частые выпивки превратились в болезнь и он уже не мог остановиться. А тётя, младшая сестра моей мамы, тоже была сама не своя. Её муж, военный летчик, попал под суд. Он был оправдан, но сколько было пролито слез, сколько проведено бессонных ночей, пока шло расследование. Да и моя мама никак не могла приехать за мной. Она работала акушеркой и была единственной акушеркой на несколько деревень, поэтому она иногда долго не возвращалась домой, оставаясь в доме роженицы. Моя бабушка старалась держаться. Её мужеству можно было только удивляться.

Ваня, конечно, ничего не знал об этом. Он мог и моих родных воспринять, как людей черствых. Прости их, Ваня! Когда они могли, они делали для тебя, всё, что было в их

силах.

Кукла

Девочка без куклы

*почти также несчастна,
как женщина без ребёнка.*

Виктор Гюго

Вскоре после приезда из эвакуации мама взяла меня с собой на рынок. Там, где мы жили, рынка не было, поэтому я с большим интересом смотрела на всё вокруг. Прилавков не было. Горки фруктов возвышались на расстеленных, прямо на снегу подстилках. Мама купила несколько мандаринов. Она ещё что-то купила, но всё это было неинтересно. Моё внимание привлекла пирамидка из каких-то неизвестных мне фруктов. Они были ярко желтые, продолговатые. Я таких никогда не видела.

– Мама, – спросила я, – это что?

– Это лимоны.

– Купи, я хочу попробовать.

– Они очень кислые. Ты их есть не будешь.

Моя любознательность была не удовлетворена. Тут я заметила, как какой-то человек подошёл к лимонам и купил две штуки. "Как же так?! – подумала я – ведь их же покупают, значит, есть их можно."

Я знала, что повторять мою просьбу было бесполезно. Расстроенная, я влачила за мамой, которая крепко держала

меня за руку и с силой тащила за собой.

Но тут вдруг я увидела нечто такое, что заставило меня забыть про злополучные лимоны.

– Мама, – закричала я на весь рынок, – кукла!

Торговка, которая держала в руках красивую куклу, сказала маме:

– Купите дочке куклу, отдам недорого.

Прохожие с улыбкой проходили мимо меня, хитро поглядывали на маму, удастся ли дочке разорить маму на куклу. Но мама только ещё сильнее потянула меня за собой. Она сердито прошептала мне:

– Замолчи! Будет тебе сегодня кукла. Только не кричи больше!

Я замолчала, но долго шла боком, не теряя из виду чудесное видение до тех пор, пока кукла не исчезла из виду. Мне было около трёх лет, но куклы у меня никогда не было.

Вечером мама собрала какие-то лоскутки, вату, нитки, иголку и принялась мастерить мне куклу. Я терпеливо ждала. А пока занялась своим любимым делом. У меня были книжки раскладушки. Мне их читали. Я быстро выучила их наизусть. И теперь, водя пальчиком по волшебным закорючкам, "читала." Мне очень хотелось знать, как могут эти крючочки рассказывать такие интересные истории. Мне всё это казалось настоящим волшебством. Как мне хотелось научиться читать по-настоящему.

Я "перечитала" мои книжки раза по три, прежде, чем ма-

ма позвала меня, чтобы показать куклу. Я прибежала на зов. Мне дали в руки куклу. Я посмотрела на неё и ужаснулась. Лицо куклы было почти плоским. Вместо носа две точки. Огромные глаза были нарисованы химическим карандашом. А красный рот был также неестественно огромным. Пучки ваты изображали волосы. Руки как обрубки, без пальцев, а ноги без ступней.

Я положила куклу на стол.

– Она страшная. Я её боюсь, – сказала я и нахмурилась.

Мама рассердилась и раскричалась:

– Господи! Что за ребёнок! Все девочки играют с такими куклами и довольны. Бери! Другой не будет.

Я ещё больше нахмурилась, а про себя подумала: "Не будет и не надо. А такое страшилище мне не нужно."

Утром я нашла эту куклу на столе. Почти с отвращением я взяла эту грудку тряпья и бросила под кровать. О кукле я больше не заговаривала. Мне эту куклу больше не навязывали. Никогда потом я её не видела.

Купить куклу я больше не просила, знала, что это было бесполезно, довольствовалась теми игрушками, которые у меня были. Их было немного: пирамидка, которая состояла из стержня на подставке и нескольких колец разного размера и цвета. Всё из дерева. Нужно было нанизывать кольца на стержень от самого большого до самого маленького. Это было слишком просто и потому быстро надоело. Позднее появились кубики с буквами на каждой грани и соответствующи-

щими картинками.

Наконец-то стала для меня раскрываться тайна закорючек в моих книжках-раскладушках. Благодаря этим кубикам я быстро выучила буквы. А ещё были четыре разноцветных карандаша, которыми я рисовала всегда одно и то же: домик с трубой, из которой валил дым, окошечки с занавесками, забор, за которым росли деревья, и девочка, рядом с которой никого не было: ни кошки, ни собаки, ни папы, ни мамы.

Из соседнего двора приходили девочки. Зимой мы лепили снежную бабу, играли в снежки, летом скакалки, классики, мячик, прятки, догонялки.

Когда мама получала от папы письмо, она была такая радостная и счастливая. Прочитав письмо, она сразу же садилась писать ответ. Я сидела рядом и наблюдала. Наконец, я поняла, как надо писать письма. Я попросила у мамы листок бумаги и карандаш:

– Я тоже напишу письмо папе.

Мама так быстро-быстро водила ручкой по бумаге. Я тоже стала быстро-быстро писать волнистую линию на бумаге в линейку. Вот весь листок исписан на обеих страницах. Мама наклоняется над моим письмом:

– Что же ты написала папе?

– Папа, приезжай скорее. Я тебя очень жду.

Мама берёт моё "письмо" и пишет внизу листка то, что я хотела написать, складывает письмо и посылает папе.

Откровенно говоря, я не знала, зачем нужен папа. Я его

никогда не видела и никогда о нём не скучала. Но его очень ждала мама, и её настроение передавалось мне. И вот я уже очень явственно представляла себе, как папа входит в комнату. На нём серая шинель, серая шапка ушанка, а за плечами солдатский мешок. Именно таких солдат я видела на улицах города. Дни шли. Все ждали конца войны. И вот этот день, наконец, настал. Я помню его только потому, как мама вбежала в комнату, бросилась ко мне:

– Лорочка! Победа! Война закончилась! Скоро папа к нам приедет...

Она покрывала меня поцелуями и плакала. А на улице поднялся вдруг невообразимый шум, словно все жители выбежали из своих домов с криками ликования.

– Но папа приехал к нам не скоро. Для него война только начиналась. Ведь он был на Восточном фронте.

Мама снова уехала в деревню. Здесь она не смогла найти работу, поэтому вернулась на то место, где работала ещё до войны. Меня она оставила опять на попечение бабушки. Почти год прошёл после окончания войны с фашистами, когда папа ко мне приехал. Только встреча эта оказалась совсем не такой, какой я её представляла.

Среди ночи бабушка вдруг разбудила меня.

– Лорочка, просыпайся. Папа приехал.

Сильные руки вдруг подхватили меня и усадили на колени. Я поняла, что я на коленях у папы. Но я совершенно не знала, как его встретить. Я сидела вся съезжившись, не проро-

нив ни слова. Даже головы не повернула в его сторону чтобы рассмотреть его лицо. Папа мне что-то говорил, но от волнения я ничего не понимала. Вдруг он встал, посадил меня на стул и сказал: "Я привёз тебе подарок."

Меня он совсем озадачил, так как я не знала такого слова "подарок." Через минуту он положил мне на колени коробку. Я окончательно растерялась. Я не знала, что мне с ней делать. Тут бабушка пришла мне на помощь: "Она ещё спит наполовину. Давай её положим в кровать. Пусть досыпает." Меня уложили в постель, и я тут же уснула.

Утром я бросилась искать папу. Мне хотелось его рассмотреть, поговорить с ним. Но его нигде не было. В растерянности я спросила бабушку: "А где папа?" Она ответила: "Папа ещё рано утром уехал к маме. А его подарок лежит на столе в коробке. Пойди посмотри."

Я подбежала к столу, нетерпеливо раскрыла коробку и... онемела от восхищения: в коробке лежала... кукла!!! Кукла! Я бережно, словно боясь, что она может рассыпаться, вытащила её из коробки. Посадила её на стол, сама села на стул, подперла щёки руками и стала рассматривать это долгожданное чудо.

– Машенька, – имя пришло без всяких размышлений. – Как долго я тебя ждала. Очень долго. И, наконец, ты меня нашла, ты пришла ко мне. Какая же ты красивая! Глазки синие синие, брови и реснички черненькие. Какой хорошенький маленький носик! А губки и щёчки розовые. Волоси-

ки жёлтые, заплетены в косички с красными ленточками. А ручки! Как настоящие, все пальчики и даже ноготочки на них. А ножки! Беленькие носочки, красненькие туфельки. А платьице беленькое и по нему, как нарисованные чёрным карандашом мелкие цветочки.

– Ты моя, Машенька! Я тебя буду очень любить. Я сошью тебе много красивых платьев. Я устрою тебе кровать с матрасиком, подушкой, одеяльцем. Я никогда не буду тебя обижать. Я никогда не буду тебя бить. Ведь это так больно. Скажи, Машенька, почему меня бьют? Это неправда, что я плохая девочка. Я хорошая, я послушная, но я маленькая ещё и не всегда знаю, как надо поступать. Мне можно же просто объяснить. Я бы поняла. А меня сразу начинают бить.

Мой голос задрожал, и на глаза навернулись слезы. Я никому не могла сказать об этой своей беде. Ведь именно мама довольно часто прибегала к этому "методу" воспитания. Она сама мне потом рассказывала. Она меня била, я не кричала, не плакала, не просила прощения, не убегала, я просто вздрагивала при каждом ударе. Сейчас мне странно, что мама, медицинский работник, не понимала, что я была в шоке. Ведь мама мне не объясняла, за что меня била.

Тётка меня била, хотя не имела на это никакого права, просто по-садистски: держала одной рукой мою руку, а скакалка бегала у меня по спине, причиняя невероятную боль. При этом она шипела:

– Вот попробуй только пикни, разбудишь ребёнка или по-

жалуешься кому-нибудь, совсем убью.

И я молчала, только корчилась от боли и ждала, когда же кончится это истязание. Потом сидела на сундуке, с обожженной побоями спиной и думала: За что? Разве нельзя было просто сказать?

Сейчас, умудренная жизненным опытом, я понимаю, что молодые и очень красивые женщины, ожидавшие мужей с фронта, вечно боявшиеся за их жизнь, были раздражены тем, что война отнимала у них молодость и счастье. Ведь моя мама ждала моего отца целых семь лет, с девятнадцати до двадцати шести лет. Самые лучшие годы жизни. За все эти семь лет они встречались только два раза, когда мама жила на Русском острове: один раз она навестила отца, когда он был на срочной службе в армии. Вторая встреча произошла, когда ему дали увольнительную на несколько дней, чтобы он смог увидеть свою новорожденную дочку. Это произошло за два месяца до начала войны. А потом эвакуация и долгие, долгие годы ожидания. И когда война с немцами закончилась, началась война с японцами. И это было для неё настоящей пыткой. Поэтому она срывалась на мне из-за мелочей – разбитая нечаянно чашка, разлитое молоко или просто крутилась под ногами. Потом она плакала, осыпала меня поцелуями, но я ничего не понимала, ни побоев, ни поцелуев. Мама была мне чужой. У меня никогда не возникало желание обнять её, поцеловать. Когда она не была со мной, я по ней не скучала.

Но мама всё-таки проявляла какую-то осторожность в наказании меня. А вот тётя действовала по принципу – чужого ребенка не жалко. Я не помню, чтобы она била своих детей.

Бабушка меня не обижала. Её одну мне всегда хотелось обнять и поцеловать. И однажды я это сделала. Но она грубо оттолкнула меня и сказала:

– Отстань! Не люблю я этих нежностей.

Я была обескуражена, растерянна, обижена и окончательно почувствовала себя одинокой и никому не нужной. Моя невестребованная и не истраченная нежность вся обратилась на куклу, которая казалась мне живым существом.

Я готова уже была разрыдаться, когда вдруг за окном слышался смех, крики, топот маленьких ножек, это пришли ко мне подружки. Мои слёзы мигом высохли. Осторожно взяла я в руки мою Машеньку, прижала её груди и направилась к выходу. Ни одна мать не обнимала своё дитя с большей нежностью и трепетом, чем делала это я.

Малышка, как же мне жаль тебя! Ведь никогда не вплести тебе ярких ленточек в косички своей Машеньки, никогда не сошьешь ты ей ни одного платьица. Никогда-никогда не положишь ты её рядом с собой в свою кроватку, когда будешь ложиться спать. Но ты всего этого пока не знаешь и идёшь радостная и счастливая, испытывая блаженство от прикосновения к твоей груди прохладного личика твоей Машеньки, её крошечных ручек и ножек, её животика. Идёшь, полная самых светлых надежд, до краев наполненная святым чув-

ством любви. За что же, кроха, тебе такое коварное и такое безжалостное испытание?! Сколько же длилось твоё счастье, девочка? Десять, пятнадцать минут, не больше...

Медленно, осторожно спускаешься ты по лестнице со второго этажа. И вот ты уже на улице и подходишь к своим подружкам.

Они увидели меня и окружили.

– Ой, кукла, – воскликнула одна. – Дай мне!

– Нет. Дай мне, – сказала другая.

– Я первая попросила.

– Я тоже хочу, – подхватила третья.

Шесть рук почти одновременно потянулись к моей Машеньке и вырвали из моих рук. И вот девочки уже сплелись в какой-то копошащийся клубок, который кружился, словно смерч, вокруг своей оси. Мелькали руки и слышались крики:

– Отдай мне, что ты в неё вцепилась?!

– Не отдам, пустите. Она моя. Я её хочу подержать!

– Уйди! Ты уже долго её держала.

Я бегала вокруг этого клубка с тревогой и даже со страхом за мою Машеньку. Но ничего не могла сделать. Проникнуть внутрь этого клубка было невозможно. Мне даже заглянуть внутрь не удавалось. Моя тревога всё росла, а крики и драка всё продолжались. И вдруг клубок распался на три части и девчонки бросились вон со двора. Меня удивило с какой скоростью они мчались, словно разрезали воздух низко опущенными головами, а пятки сверкали выше их голов. Такого

я ещё не видела. А где же Маша?

Я обернулась, и крик ужаса вырвался из груди. Машенька, моя Машенька, валялась растерзанная на земле. Головка, ручки, ножки беспомощно висели на каких-то верёвках. Волосы на голове болтались почти полностью оторванные, платье разорвано в клочья. Слезы брызнули из моих глаз, они лились потоком, я ничего не видела сквозь них, словно с головой окунулась в речку. Я подняла на руки то, что осталось от моей Машеньки и, спотыкаясь, пошла домой. Хорошо, что сегодня бабушка была дома. Я знала, что она не станет обвинять меня в том, что это я сама растерзала мою куклу, как это сделала бы моя тётя. Бабушка всё поймёт и, может быть, чем-то мне поможет.

Бабушка, увидев меня, испуганно спросила:

– Что с тобой?

Я протянула ей мою Машеньку и, не переставая рыдать, попыталась объяснить ей, что произошло:

– Девчонки вырвали её из моих рук и начали вырывать её друг у друга. Они ругались, кричали, колотили друг друга, а потом убежали.

Я снова залилась слезами.

– Бабушка внимательно рассмотрела куклу и сказала:

– Не плачь. Ручки, ножки, головка у неё целые. Их только снова надо соединить вместе. Волосы можно снова приклеить, А платье мы сошьем ещё лучше этого. Я сейчас сама попробую.

Она что-то делала, достав крючок для вязания. Но ничего у неё не получилось. Тогда она сказала:

– Я отнесу её мастеру по ремонту. Может быть, у него получится.

На следующий день я с волнением ждала прихода бабушки. Когда мне сказали, что она вот-вот должна прийти, я бросилась за ворота. У ворот стояла скамейка, но мне не сиделось. Я ходила взад и вперед, словно маятник. Как только я увидела бабушку, со всех ног бросилась ей навстречу. В руках у бабушки была только сумка. Я смотрела на неё с нетерпением: вот сейчас бабушка достанет оттуда мою Машеньку. Но вместо этого бабушка сказала:

– Мастер взял куклу, обещал что-нибудь сделать. Подожди до завтра.

– Ах! Ещё целый день ожидания!

На следующий день я снова ждала бабушку у ворот, снова бросилась ей навстречу, но не увидела куклу в её руках. Она виновата объяснила:

– Не смог этот мастер починить куклу. Я отнесла её другому.

Я почувствовала беду в её словах и разрыдалась, уткнувшись в подол её платья. Бабушка ни слова не сказала, только погладила меня по голове и прижала к себе.

На следующий день я не ждала бабушку у ворот. Я села на стул напротив входной двери. А когда бабушка вошла в дом, грустно посмотрела на её пустые руки. Слезы беззвучно

покатились из моих глаз, я ушла в комнату и села рисовать. Но как я ни старалась, у меня ничего не получалось. И тут я услышала, как бабушка говорила моей тёте:

– Не знаю, что ещё сделать. Я обегала всех мастеров, я искала подходящую куклу во всех магазинах, но в них только пупсы. А Лора смотрит каждый раз на меня такими глазами, что хоть домой не приходи. В этих глазах такая недетская тоска! И дело-то в резинках, которые соединяли все части тела, нет таких нигде. А эти дурочки... С какой же силой они тянули к себе куклу, если такие прочные резинки растянулись до состояния верёвок.

Тётя сказала:

– Надо сходить к родителям этих девчонок. Пусть покупают, где хотят такую же.

Но бабушка строго её остановила:

– Бесполезно. Только ругань услышишь в ответ. Единственное, что они сделали бы, это отдубасили бы их. А за что? Бедные девчонки! Им по пять лет, а они в первый раз увидели настоящую куклу. Обезумели! Дрались только за то, чтобы хоть минутку подержать куклу в своих руках.

Тётя сказала:

– Да хватит переживать. Забудет она о своей кукле. Не преувеличивай её страданий..Подумаешь, кукла... Купить ей другую и всё забудет.

Бабушка ответила:

– Да, забудет. Может быть, совсем забудет. Но детская

боль не проходит. Она только прячется где-то глубоко в детской душе. И вдруг проявляется в каких-то странностях в поведении уже во взрослой жизни, в какой-то необъяснимой реакции на что-то.

Я поняла, что дело плохо. И всё-таки внутри меня ещё теплилась слабая надежда. На следующий день, я всё-таки опять села напротив двери в ожидании бабушки. Увидев её пустые руки, сползла со стула и ушла в комнату. Что-то надломилось внутри меня. Теперь я стала как надломленная ветка дерева, не сохнет, но и не растёт. Состояние потрясения...

Говорили, что я кричала во сне по ночам, а днем отказывалась от еды. Что было дальше, я даже не понимаю. Было ли это на самом деле или мне это приснилось. Может быть я просто это выдумала... Смутно, как в густом тумане, вижу себя в магазине, куда привела меня моя бабушка. Продащица разложила передо мной несколько пупсов, от самого большого до самого маленького. Я безучастно потрогала каждого и отодвинула от себя, виновато посмотрела на бабушку и вышла из магазина. Как развивалось бы моё состояние, трудно сказать и может довело бы меня до нервного срыва, если бы жизнь не изменилась круто, в связи с переездом на новое место жительства. Новые впечатления отвлекли меня от тоски.

Мои подружки больше не приходили ко мне играть. Я никогда их не встречала. Наши дворы были рядом, но наши до-

роги не пересекались. Возможно ли это? Скорей всего они, завидев меня, обходили меня стороной, а тот крик отчаяния и боли, который они слышали убегая, рассказал им о том, что они совершили нечто ужасное. Я забыла их лица, я не помню их имен. И я никогда не хотела бы их встретить. Это не потому, что я не могу их простить, я им сочувствую, ведь я их считаю ещё более несчастными, чем я. Я обнимала мою Машеньку хотя бы несколько минут, им не дано было такого счастья даже на минуту. Начиная писать эту историю, я не предполагала, что мне будет так больно вспоминать об этом.

Прошло около двух лет, прежде, чем мой отец снова подарил мне куклу. Я без всякой радости осмотрела её. Единственно, на что я обратила внимание, это то, что у неё были сиреневые волосы. Я удивилась, тогда разноцветных волос ни у кого не было. Я смотрела на неё, а видела мою растерзанную Машеньку и, чтобы поскорее забыть страшное видение, посадила куклу то ли на стул, то ли на комод и больше не подходила к ней. Наверное, в глубине души я боялась повторения той страшной истории. Больше мне кукол не дарили, а я и не хотела их. А куда делась та кукла, я не знаю. Я никогда этим не интересовалась. Когда я бывала в магазинах игрушек, на кукол не смотрела. Они мне были не нужны.

Прошло очень много лет, может быть двадцать или двадцать пять. Как-то мы с моим мужем зашли на огонёк к нашим знакомым, с которыми я дружила еще с юности. За чашкой чая посидели, поговорили, потом они сказали:

– У нас есть интересные тесты. Хотите узнать о себе лучше?

Мы, конечно, согласились. Тестов было несколько, но я хочу рассказать лишь об одном: "Каким ты видишь озеро?"

– Я тут же начала описывать представшую передо мной картину.

Вечер. Солнце у самого горизонта. Озеро чистое, гладкое, как зеркало. Вокруг озера заросли из деревьев и кустов. Всё освещено таинственным закатным солнцем. Такая красота вокруг! Я плыву по озеру в маленькой лодочке, осторожно гребя веслами. Я одна в этом загадочном мире. Птицы не поют, не шелохнется ни один лист. Эта тишина рождает во мне тревогу. Тревога нарастает, переходит в страх, это озеро такое прозрачное, но дна не видно. Оно слишком глубокое. Эта черная бездна меня ужасает. Что там водится, в этой глубине? Какое чудовище? Оно может меня поглотить вместе с моим суденышком. Надо скорее бежать отсюда. Да... Скорее, скорее к берегу! Вон там видна тропинка... Бежать, бежать отсюда! От этого страшного и опасного места!

Я закончила, друзья переглянулись. Было видно, что они озадачены, даже растеряны. Было понятно, что ничего подобного они не ожидали услышать.

Я спросила: "Что такого я сказала?" Они ответили: "Такая ты в любви!"

Я задумалась. А ведь это правда. Я избегала глубоких чувств. Была очень осторожна в контакте с людьми. Сре-

ди парней я прослыла девушкой холодной, неспособной ни на какие чувства. Я действительно вежливо оставляла своих поклонников одного за другим, я боялась разочарования и снова, и снова убегала в одиночество. Я боялась любви и сама уже считала, что одиночество мой удел. Почему? Как? Неужели за всем этим стоит лежащая на земле моя растерзанная Машенька? Неужели так глубоко запряталась в сердце моя, казалось бы забытая, детская боль?!

Станным мне кажется то, что после той истории никто ни разу не поднял на меня руку. Можно подумать, что моя Машенька, услышав мои жалобы, пожалела меня и пожертвовала собой ради спасения меня от всех возможных экзекуций. Знала бы моя куколка, как она была нужна мне в то время! Я бы никогда не согласилась на такой обмен!...

Серебряная ложка

Папа вернулся с фронта, и его, как инженера-строителя, направили на строительство завода в Туле. Этот завод, и сейчас находится по маршруту трамвая номер 12, остановка Хоперский рынок. Он стал прорабом. Как только он получил жилье, мы с мамой приехали к нему.

Я с интересом знакомилась с моим новым домом. Комната была большая. Четыре больших окна давали много света. В комнате стояли две кровати, одна большая, другая маленькая, для меня. Посередине большой круглый стол. В кухне была плита с конфорками, которую топили дровами. Сто-

ял стол и стулья. Но больше всего мне понравился кран, из которого текла вода прямо в раковину. А ещё был туалет. Ничего подобного я никогда не видела! А ещё был коридор. Моё внимание привлекла дверь в коридоре. Она никогда не открывалась. Что же там за этой дверью? Какая тайна? Почему меня не пускали за эту дверь? Но вопросы эти я не посмела задать, потому – что часто на мои вопросы отвечали:

– Много будешь знать, скоро состаришься.

Я не хотела стариться, поэтому вопросы задавать не торопилась.

Мама с энтузиазмом осваивала наше жилище: мыла, чистила, вешала занавески на окна и двери, постелила скатерть на стол, покрывала на кровати.

Я тоже не была забыта. Мне купили альбом для рисования, четыре цветных карандаша у меня уже были. Правда они давно кем-то использованы, поэтому были разной длины и продавались на рынке по одному. Но особенно меня порадовала коробка, в которой были листочки из тонкого картона. На них была изображена девочка в нижнем белье и целое приданое для неё: платья, сарафаны, кофточки, халатки, пальто зимнее и осеннее, всякая обувь и шапочки. Нужно было самой вырезать все эти наряды, чтобы одеть куклу. Но самое увлекательное было то, что я сама могла нарисовать всякие наряды. Ведь у меня были цветные карандаши!

Я подружилась с девочкой с первого этажа. Мы жили на втором. Мы были с ней ровесницы. Однажды Оля привела

меня в свою квартиру. Жилище поразило меня своей роскошью. Блестящая темная мебель, кругом ковры, а в стеклянном шкафу очень красивая посуда. Я всё рассматривала, как в музее, ничего подобного я не видела. Ничего удивительного, ведь её папа был военным. За моей подружкой следила бабушка, которая меняла ей одежду по три раза в день. А моя мама меняла мне платье один раз в неделю. Но долго мне не пришлось любоваться этим чудом, Оля как будто испугавшись чего-то, потянула меня за собой. В коридоре она остановилась, сунула мне в руку большое яблоко и втолкнула меня в кладовку:

– Ешь пока здесь. Я за тобой приду, – сказала она мне шёпотом и закрыла дверь.

В кладовке было темно. Я нащупала стул, присела на него и вонзила зубы в яблоко. Фрукты мне перепали очень редко. А яблоко было сочное и ароматное. Оно так громко захрустело, когда я его надкусила, что я испугалась. Вдруг кто-нибудь из взрослых услышит этот хруст? Что тогда будет?! Олю накажут, ведь она тайком угостила меня яблоком, а меня с позором выгонят.

В кладовке было темно, но мне было не страшно, так как мысли мои были заняты только тем, как съесть мне хотя бы то, что я только что откусила. Второй раз откусить от яблока я не решилась. Я ждала Олю. Наконец, она открыла дверь, молча вытянула меня в коридор и мы стремглав бросились из квартиры. Только на улице, найдя укромный уголок, я доела

яблоко. Чем мы питались? Я помню картошку, пшено, хлеб, растительное масло, молоко. И это ещё хорошо. Я слышала, что некоторые ели так называемые кавардашки. Это картофельные оладьи, испеченные из картофеля, случайно оставшегося в поле на зиму. Мы такой картофель не искали, а это уже показатель зажиточности. Думаю, что были и капуста, и морковь, и лук. Иногда делали лапшу и пекли пирожки. Но это было редко.

Дни шли, а дверь в нашем коридоре так и не открывала своей тайны.

Однажды сидела я за обеденным столом на кухне. Наклонившись над тарелкой, ела кашу. У меня был очень плохой аппетит. Наверное из-за того, что еда была очень однообразной и очень скудной по части витаминов, ни ягод, ни фруктов. И мы, дети, как маленькие дикие зверушки, сами находили себе витаминную пищу среди трав в заброшенных уголках дворов и неухоженных скверов. Особенно везло, если находили "лепёшки". Трава с листьями похожими на листья герани и плоскими зелёными плодами величиной с ноготь мизинца. Я больше никогда не видела эту траву. Неужели дети войны съели все её семена? Съели прежде, чем её занесли в Красную книгу. Конечно, это лишь шутка, но всё-таки. Находили и с аппетитом уплетали заячью капусту и стручки акации. Ели всё немытое и грязными руками.

Сiju я, нехотя ковыряя ложкой в тарелке. Подняла голову и вдруг прямо перед собой увидела маленького мальчика

лет трех-четырех. От удивления я чуть не подавилась кашей. Мальчик был очень худенький. Кожа на лице и руках была такой белой и прозрачной, что видны были голубые прожилки. Глаза были огромные, обведенные темными кругами, а в них такая тоска и страх, что я сразу прониклась к нему жалостью. Он с жадностью смотрел на меня, судорожно сглатывая слюну. Мама тоже заметила ребёнка. Она сразу всё поняла: малыш был голоден. Она сказала:

– Садись за стол. Я сейчас тебя накормлю.

Но ребенок в испуге бросился бежать. Мама всё-таки успела его поймать, взяла на руки. Но он начал вырываться, изгибался и отталкивался от мамы руками и ногами. При этом не издавал ни единого звука. Мама и тут поняла в чём дело и сказала:

– Успокойся, поешь. Я, честное слово, никому об этом ничего не скажу: ни папе, ни маме, ни брату, ни сестре. Это будет наш с тобой большой секрет. Хорошо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.